

Лариса Черногорец

16+

Необоримая стена

Лариса Черногорец
Необоримая стена

«ЛитРес: Самиздат»

2009

Черногорец Л. В.

Необоримая стена / Л. В. Черногорец — «ЛитРес: Самиздат»,
2009

ISBN 978-5-5321-0232-3

Не родись красивой, а родись счастливой, гласит русская пословица. Кто бы мог предположить, что сирота Настя обретет свое счастье с известным петербургским ловеласом, цирковым артистом, силовым акробатом и наездником Шарлем Тулье, заставит его поверить в чудо, в любовь, а заодно и спасет русскую святыню от негодяев. При оформлении обложки использовано фото с сайта Pixabay по лицензии СС0.

ISBN 978-5-5321-0232-3

© Черногорец Л. В., 2009
© ЛитРес: Самиздат, 2009

Посреди стола, накрытого белой праздничной скатертью, на фарфоровом блюде, аппетитно красовались маленькие круглые пирожные. Дразнились своими нахальными алыми вишенками, на горках взбитых сливок. Из-под шапочек сахарной пудры темными капельками повидла, словно глазками, смотрели золотистые ароматные рогалики. Рядом, в плетеной корзинке розовые румяные ватрушки.

Акакий Петрович сладко улыбался, наливая ароматный чай в большие фарфоровые чашки из стоящего тут же на столе пузатого самовара:

– Ты кушай, Настенька, кушай, угощайся, не тушуйся, – шипел он, точно змея, – Марьюшка в отъезде до завтра, а барышня... барышня, никак, спит?

– Спит Акакий Петрович, только что уснула – набегалась за день, умаялась, сначала никак не хотела укладываться... – девушке Насте, отвечавшей хозяину, было страшновато и неловко. Она впервые наедине с ним. Он конечно человек добрый. Солидный очень, и вообще, ее благодетель, но... что-то настораживало. Даже эти его ласковые фразы.

– Ну, вот и славно! Вот и славно, ты угощайся, не стесняйся. Вот посидим с тобой почивничаем...

Слащавая улыбка хозяина и липкий взгляд даже несколько угнетали. Точно он ждал от нее чего-то. Хотелось сбежать. Акакий Петрович приближался, мягко ступая, точно кошка, которая крадется за добычей. Настя попятилась.

– Ну, куда же ты, птичка, сядь за стол со мной, выпей чайку, или ты меня боишься?

– Ничего я не боюсь! – Настя подумала, что ей решительно нечего бояться, откинула косу за плечо, рванула на себя стул и, усевшись поудобнее, впилась зубами в белоснежный, сахарный бочок рогалика. Акакий Петрович замер. Дрожь нетерпения пробежала по его телу.

– Ты чайку, чайку попробуй. Знатный чаек.

– А чего-сами-то? – отхлебнув большой глоток из чашки, Настя вопросительно уставилась на хозяина, – сами то чего чаю не пьете?

– Так сейчас, сейчас, голубка, – хозяин уселся на стул рядом и пододвинул к себе чашку. Взгляд его маленьких, заплывших жиром глазок, стал настолько откровенным, что у Насти больше не осталось сомнений в его намерениях. Хозяйка, его жена, вернется не раньше завтрашнего утра, его дочь, за которой она ходит уже полгода, спит на втором этаже, а слуг нигде не видать. Настя решила ретироваться. Она отодвинула чашку и встала:

– Вы простите, Акакий Петрович, не судите строго, конечно вы очень добры ко мне, только негоже прислуге с хозяином чаи распивать, – она спиной пошла к двери и дернула за ручку. Дверь была заперта. Акакий Петрович расхохотался:

– Ну что ты, голубка, куда торопишься, мы ведь с тобой толком и не поговорили, ну куда ты...

В один прыжок хозяин оказался возле неё. Толстыми короткими пальцами, ухватив за ворот блузы, он подтянул Настю к себе и, обхватив руками талию, поволок к диванчику:

– Вот так, вот так, милая, я ведь давно ждал этого, ну ты же знала, признайся, ты видела, что очень, очень мне нравишься, и ты же понимала, что без рекомендаций в приличную семью тебя вряд ли бы взяли, и если я пригласил тебя сюда...

Настя попыталась сопротивляться. Он придавил её всем телом к дивану его руки, казалось, были везде. Спасения не было. Неприятное горячее дыхание у её уха вызывало отвращение. Собрав все силы, она ногой оттолкнула Акакия Петровича и вскочила. Со страшным грохотом он, перевернув стулья и этажерку, упал навзничь и замер в углу. Гробовая тишина. Ни звука, ни движения. Настя на цыпочках подошла к хозяину. Акакий Петрович лежал на спине с закрытыми глазами. Она дотронулась до его плеча:

– Акакий Петрович... Акакий Петрович! – Настя заплакала. Хозяин не подавал признаков жизни. Пугающие мысли проносились в её голове. Она никогда не докажет, что защища-

лась, да и что её слова, слова сироты, против семьи Акакия Петровича. Её обязательно посадят в тюрьму, и никто, никто её уже не спасет. Она его убила! Что она скажет хозяйке?! как она могла оставить без отца свою воспитанницу!

Мозг лихорадочно просчитывал ситуацию. Ей остается только бежать. Сейчас почти двенадцать ночи. Через четыре часа придет Митька, – поваренок, который топит печи на кухне и чистит овощи. Нет сомнения, что он тут же поднимет шум и позовет полицию. Надо бежать прямо сейчас.

Дрожа, как осиновый лист Настя дотронулась до пиджака убитого. Она с детства до смерти боялась покойников. Когда умерла бабушка, она всю ночь просидела на порожке дома, потому, что было страшно остаться в доме один на один с умершей. Дрожь не унималась, страх и появившееся легкое головокружение вызывали тошноту. Нащупав в кармане хозяина ключ и открыв двери, Настя кинулась наверх, в свою комнату. Рядом за стенкою мирно посапывала малышка. Если повезет, девочка не проснется до самого утра. Наспех собрав саквояж с вещами, она кинулась к выходу. Оставив вещи в прихожей, Настя все же решила еще раз посмотреть, вдруг хозяин жив. Она тихонько заглянула в гостиную. Акакий Петрович по-прежнему лежал без движения на полу. У неё продолжала кружиться голова. Она нащупала ручку саквояжа и выбежала из дома.

Ночные улицы были тускло освещены редкими фонарями. Куда идти? Еще год назад она жила с бабушкой на Никитской. Бабушки теперь нет на свете. Дом ушел за долги, она в свои девятнадцать совершенно одна, пригретая семьей Акакия Петровича и назначенная ходить за его дочкой, из жалости и в память о её бабушке, некогда знаменитой оперной певице. Она бежала по городу. Головокружение усиливалось, пришлось замедлить шаг. Глаза слипались. Верно, хозяин что-то подсыпал в чашку. То-то он ее так уговаривал попробовать его знаменитого чайку! Шатаясь, словно пьяная, она налетела на высокого мужчину в длинном плаще и шляпе, собиравшегося свернуть за угол. Земля, словно в тысячи раз умножив силу притяжения, привлекла к себе её тело, фонарь заслепил вверху, высоко, прямо над лицом. Странная мысль пришла ей в голову: «Дождик...какой теплый дождик...»

– Эх, тебя угораздило! – Мужчина, сняв шляпу, склонился над Настей, внимательно разглядывая её лицо. – На пьяную не похожа...запаха, кажется, нет... как же ты так! Вставай, слышишь.– Он потянул её за рукав.

Девушка не шевелилась. Уснула мертвецким сном. Мужчина вздохнул:

– Ну не бросать же тебя здесь, горе луковое.

Он взвалил свою находку на плечо и скрылся за поворотом.

Настя проснулась от щебетанья какой-то настырной птички, сидевшей на зеленеющей веточке прямо за открытым окном. Открыв глаза, она сначала не поняла, где находится. Низкий беленый потолок над головой, узкая кровать, пестрое лоскутное одеяло... она лежала под ним... в мужской рубашке! Что случилось? Внезапно память проявилась. Она убила Акакия Петровича, он хотел взять её силой, она толкнула его, он упал и умер, потом она бежала по ночным улицам...да где она? Охнув, Настя села на кровати.

– Доброе утро, – приятный, с бархатными нотками мужской голос заставил её обернуться. – Вы, мадемуазель, проспали почти двое суток.

В кресле, позади кровати сидел молодой темноволосый мужчина с карими глазами и обаятельной улыбкой.

– И теперь по вашей милости я уже две ночи провожу в этом кресле, а оно не такое удобное, как кажется на первый взгляд.

– Кто вы? Где я?

– Позвольте представиться – мужчина поднялся во весь рост и, слегка поклонившись, протянул ей руку. – Шарль Тулье, служу в Императорском театре-цирке. Вернее сказать, служил.

– Шарль! Вы... – она вспомнила, как прошлой зимой, еще вместе с бабушкой она впервые посетила Императорский цирк, как была очарована его атмосферой и как запал ей в сердце молодой наездник, выполнявший невероятные трюки на коне. – Вы – тот самый наездник, Шарль Тулье, который держал на своих плечах четверых жонглеров!

– Ваш покорный слуга.

– Но как?! Почему я здесь? Что вы делаете здесь? И... – она вновь оглядела себя и натянула одеяло под самый подбородок, – где моё платье?

– Столько вопросов. Позвольте, начну с последнего. Ваше платье здесь, пришлось отдать его почистить – вы упали на мостовую в тот момент, когда начался дождь. Я нашел вас и принес сюда. Пытался вас разбудить, но ничего не вышло. Пришлось дать вам отоспаться. Кстати – интересно, что могло вызвать такой продолжительный сон у столь юной особы, и куда вы так спешили ночью? Ах! Да! Не стоит отвечать вопросом на вопрос дамы. Продолжим. Вы находитесь в моей комнате – не самой богатой, но вполне сносной, не так ли? Я удовлетворил ваше любопытство?

– Вы – француз, а по-нашему говорите совсем без акцента. Странно видеть вас здесь, Шарль, ведь цирковые...

– Я понимаю ваше удивление. По-вашему – я должен обязательно жить при цирке, но с тех пор, как в конце июня он был закрыт, мы, артисты, вынуждены искать себе другое место. Мои сбережения позволили мне снять эти скромные апартаменты, и теперь я в свободном поиске. Да, и вот еще, – заговорщицким тоном, подмигнув, он приблизился к ней, – Шарль Тулье – это псевдоним, – он улыбнулся, – нынче на манеже так принято. Модно, когда выступают французы, англичане и даже турки. Однако, в последнее время жалуют и местные таланты. Я русский и имя у меня незатейливое и исконно русское – Аникей,

-Аникей. Аника значит? Как Аника – воин.

– Правды ради, должен сказать вам, что в былинах речь шла об Онике – воине, и не хотелось бы, чтобы меня отождествляли с легкомысленным бахвалом. Но, для близких можно и Аника. – Он вновь светло улыбнулся и присел на краешек её кровати:

– Ну, теперь моя очередь задавать вопросы. Кто вы и что с вами произошло?

Настя не успела открыть рта, – в дверь постучали. Аника встал, подошел к двери, и она с восхищением отметила его атлетическое сложение, красивую широкую спину и прекрасную осанку. Голос из-за двери проскрипел:

–Платье вот, почистили, мсье Шарль, как велели, завтрак и газета. Извольте принять.

Аника вернулся с платьем и подносом. Только теперь Настя поняла, что до смерти хочет есть. Желудок сжимался от спазмов.

– Вы так любезны, что позаботились о завтраке!

– Мадемуазель, я предполагал, что рано или поздно вы очнетесь от своего сказочного сна и захотите подкрепиться. Ешьте, мадемуазель, – Аника сел в кресло и развернул газету. На подносе перед Настей красовались те самые розовощекие, румяные ватрушки и стакан молока. Все произошедшее с ней пронеслось перед глазами в считанные мгновенья. Комок подкатил к горлу. Увидев в газете нечто, Аника встал во весь рост:

– Погодите. Здесь ваш портрет, по-моему. Ну, точно! Сейчас и я получу ответы на свои вопросы. Вот! – он замер, не веря своим глазам, –...разыскивается Егорова Анастасия, роста

среднего, глаза серые, волосы русые, уложены в косу. Она Анастасия нанесла увечья Семенову Акакию Петровичу, статскому советнику, причинила ему телесные повреждения, и, ограбив на сумму сто пятьдесят тысяч рублей... – он ошарашено смотрел на Настю, та, с не меньшим потрясением смотрела ему в глаза:

– Неправда... прошу, поверьте, это неправда, он пытался взять меня силой, хозяйка, его жена уехала, он пытался... я сопротивлялась, я не... я только оттолкнула его, я никаких денег не крала!

Аника вытащил из шкафа небольшой коричневый саквояж:

– Это ваше?

– Да, но...

– Что здесь?

– Платье, чулки... я наспех собралась и сбежала. Я думала, что убила его! Он упал и ударился, он не шевелился. Я себя убийцей считала! – она приподнялась на кровати и, обернувшись одеялом, неожиданно для самой себя рассмеялась:

– Спасибо! Господи! Он жив!

Не отводя от неё взгляда, Аника раскрыл защелку саквояжа и высыпал его содержимое. Червонцы, четвертаки и сотенные посыпались на стол:

– Позвольте, Анастасия Егорова, а это что?

Настя, прекратив смех, смотрела круглыми от удивления глазами:

– Я... я не знаю, откуда они в моём саквояже... там были вещи...

– Вот что! – голос Аники зазвучал металлом, – я сейчас выйду на четверть часа, а когда я вернусь, я не хочу застать здесь ни вас, ни ваших краденых денег! Прощайте, мадемуазель! – Хлопнув за собой дверями, он скрылся.

Настя опустилась на край кровати. Откуда такие деньги у неё в саквояже? Хозяин жив, значит, она не убийца, но теперь все считают, что она воровка! Её портрет напечатан в газете. Как могли деньги попасть к ней? Она наскоро натянула платье и заплела волосы в косу. Саквояж зиял открытой пастью, из которой высыпались пачки купюр. Она медленно, словно боясь, что он кинется на неё, подошла и погладила его по кожаному боку. Её будто током ударило: кожа её коричневого саквояжа была совершенно гладкой, а эта была рельефной, с золочеными клепками! Это не её! Она лихорадочно соображала, как мог саквояж с хозяйскими деньгами оказаться в ту ночь с ней. События постепенно всплывали в её памяти. Хозяин подстроил свидание и хотел подпоить её, чтобы удовлетворить свою похоть. Она отбивалась – он упал, она побежала наверх и собрала вещи в саквояж, потом спустилась, поставила его на пол... вот! Поставила на пол, когда подошла посмотреть на хозяина! Потом вернулась, голова уже кружилась, и было нехорошо. Конечно! Она просто случайно взяла не свой саквояж, должно быть рядом с ним стоял еще один, ведь в темноте было не разглядеть. Надо вернуть деньги немедленно! Отнести их в участок – ведь к хозяину она больше не пойдет, ни за что! Если вернуть деньги её перестанут подозревать в краже, и она будет свободна!

Она сгрэбла деньги назад, закрыв замок треклятого саквояжа, и открыла, было, дверь, чтобы выскочить прочь, но тут, мысль, поразившая её своей простотой и правдивостью, остановила её! А если ей не поверят?! Мало того, ей ведь действительно не поверят! Объявления о её розыске во всех газетах и, наверняка, на всех столбах. Она придет в участок с деньгами, а её просто упекут за решетку и полицейский, сделавший это, еще и получит вознаграждение за поимку такой опасной преступницы. Что же ей делать?! Она вспомнила лицо Аники, прочитавшего объявление о её розыске в газете, уж если он не стал слушать её объяснений, то вряд ли это будет нужно кому-то еще. Остаться здесь больше нельзя – вдруг он позовет полицейского. Настя повязала голову платком, спрятав под ним роскошь своей русой косы, и тихонько выскользнула из комнаты, оставив саквояж с деньгами на столе.

Не привыкший к праздности, проводивший все время в бесконечных репетициях, Аника неуютно чувствовал себя, бездельничая целый день. Он намеренно не возвращался в свою комнату, чтобы не разочаровываться. Если она уйдет – он будет разочарован, но как ей не уйти, ведь он сам дал ей четверть часа на сборы и прогнал, значит обязательно уйдет. Совсем ведь девчонка, неужели и в правду лиходейка? Глазищи большие, серые, коса – как в русских сказках! Взгляд совсем детский, не может быть такая девушка преступницей. Она не выходила у него из головы. Очень красивая. Он не встречал таких, совсем еще девчонка. А если все же? Если она, вопреки его словам останется, испугается, ведь идти ей некуда – повсюду облава. Останется, но окажется, что все, о чем пишут газеты и о чем кричат объявления на столбах – все правда. Тогда разочарованию не будет предела.

Аника зашел в трактир на площади. Смеркалось. Мысли о Насте не оставляли его. Куда она пошла? И пошла ли? Халдей принес вина. Он прислонился к стене и закрыл глаза. А ведь поначалу не сразу и разглядел, какая она...

Стараясь не чувствовать себя неловко, снимая мокрое грязное платье и переодевая её в свою рубаху при тусклом свете свечи, он не подозревал, что утром, глядя на её беспокойный сон, прерывающийся вскриками и бормотанием, поразится её правильным чертам лица и нежному румянцу щек. Она спала ночь, день и потом еще всю ночь – значит, ей что-то подсыпали. Она что-то бормотала во сне, как будто отбивалась от кого-то. Может, она сказала правду, может быть, действительно она пыталась защититься. Тогда откуда деньги?

Трактир понемногу наполнялся публикой. Рядом, за соседним столом сидел бородатый, щуплый мужичишка с всклокоченными волосами. Неожиданно в двери буквально ввалился холеный упитанный господин. Что-то привлекло внимание Аники, он никак не мог понять, что, потом понял: голова господина была перевязана так, что из-под котелка был виден край белой повязки. Господин сел спиной к Анике. Расстояние было так невелико, что невольно было слышно даже негромкие фразы, которыми обменивались вошедшие.

– Доброго здоровьичка, Акакий Петрович! – Бородатый явно заискивал.

– Тише ты, тише, принес?

– Попервой вы, господин хороший доложите, где деньги?

– Сначала я должен увидеть, она это или нет, не думаешь же ты, что я весь капитал буду с собой вечером по трактирам таскать.

– Э! Акакий Петрович, так не годится. А может, и нет у вас никаких денег, – он достал из-под полы газету, – уж не вас ли это на днях ограбили?

– Прохвосты! Щелкоперы! Уж на весь город раззвонили! И девка эта куда-то запропастилась! Надо ж было быть такой дурой! Ухватить вместо своего саквояжа мой! И чего кобенилась, жила б сейчас как сыр в масле, даже еще лучше. Милость ей хозяйская не по душе... – словно задумавшись, он смотрел в одну точку и про себя костерил Настю, на чем свет стоит, потом, очнувшись, схватил за ворот бородатого и зашептал:

– А ты, Лука не беспокойся, чай ты не думаешь, что все мое состояние сотней тысяч ограничивается, небось, и другие доходы имеются. Я за ценой не постою, лишь бы это была она! Давай сюда, я гляну!

Лука засопел:

– Не извольте гневаться, барин, Тимоха что-то задерживается, у него она! От самого Тобольска у него. Здесь мы разделились – больно на то, что хвост за нами было похоже, думали, шпики следят, да сговорились в этот самый час здесь встретиться. Вот нет его что-то.

– Идиоты! Её покупатель ждет, уж которую неделю, через три дня её за границу должны вывезти! Уж и документы все куплены!

Аника понимал, что девушка сказала правду. Хозяин действительно её домогался, и деньги оказались у неё случайно. Где она сейчас? Что если её схватила полиция?

Не дожидаясь конца разговора, он вышел на улицу и быстрыми шагами направился по тускло освещенной мостовой к дому. Он почти бежал, с теплившейся надеждой, что девушка ждет его, сидя на кровати и завернувшись в одеяло. Несколько кварталов, два лестничных пролета, дверь... комната пуста. На столе в свете уличного фонаря блестят металлические заклепки на боках саквояжа. Она не взяла денег! Где она? Что с ней? Как он был несдержан, как спор на расправу! Он сел на кровать и обхватил голову руками. Внезапно дверь распахнулась, и на пороге появилась Настя, сторбленная под тяжестью какого-то мужика, еле передвигавшего ноги.

– Помогите, прошу вас! Мне некуда больше было его привести. Помогите!

Аника ошеломленно глядел на обоих. Потом подхватил мужика под руки и усадил в кресло. Тот стонал. Аника обернулся к Насте:

– Ну, знаете, мадемуазель, с вами не заскучаешь!

– Пожалуйста, не прогоняйте! Мне некуда больше идти, меня везде ищут. Я правда, ни в чем не виновата!

– А это, он кивнул на мужика, – ваш родственник?

– Нет, я не знаю, кто это, просто... ну не могла же я его бросить на улице, он очень просил помочь!

– И вы не нашли ничего лучшего, кроме как привести его ко мне!

– Я не знала, что делать. Я бродила по улицам, не зная куда идти, потом появился он. Вырос, словно из-под земли, просил помощи. Сказал, что его преследуют, и что у него отнимаются ноги...

Мужик в кресле захрипел, руки и ноги свело судорогой. Он с трудом вытянул из-за пазухи сверток:

– Подойди! Подойди, дочка!

Настя подбежала и наклонилась к нему.

– Я проклят, это она меня наказывает, нельзя было её красть. Я уже не чувствую тела, руки, ноги, все будто каменное. Дышать тяжело. Вот! Возьми! Верни её на место! Верни, не то худо будет всем. Она чудотворная! Огромных денег стоит, – он сунул Насте в руки сверток, – ты её не крада, тебе ничего не будет, только надо вернуть её на место, слышишь, иначе будет беда.

Настя развернула сверток. В руках, струился слабым светом отраженных уличных фонарей образ божьей матери. Видно было, что ему не одно столетие. Воздев кверху руки, Богородица держала на коленях младенца, и святой Николай со святой Марией Египетской дополняли рисунок иконы. Мужик дернулся и прохрипел:

– Стена! Стена необоримая! Верни... в Тобольск...

Он вытянулся, и голова его поникла. Аника не верил, что все происходящее – явь. Сначала закрыли цирк, потом в его квартире девушка с явно непростой биографией. Потом краденые деньги, теперь еще какая-то невероятная икона и труп в его комнате. Это было слишком. Настя обернулась и вопросительно смотрела на него:

– Простите ради Бога, я причинила вам столько беспокойства. Что же теперь делать?

Он видел тоску и мольбу в её глазах. Они сражали его наповал. Он не мог прогнать её, не мог отказать ей:

– Ложитесь спать!

– А он? – Она кивнула на мертвого, – что с ним?

– Я справлюсь!

Взвалив тело на плечо, Аника взял саквояж с деньгами и вышел из комнаты.

Не решившись раздеться, Настя легла на кровать, укрыв ноги цветастым одеялом. Сверток с образом остался лежать на столе.

Девушка почти уснула, когда в предрассветной тишине послышались шаги. Аника вошел в дверь, и устало опустился в кресло. Она ждала, что он попытается ее разбудить, но мужчина молчал. Настя не решалась задавать вопросы и только смотрела на его лицо, усталое, с закрытыми глазами и плотно сжатыми губами. Казалось, он засыпал. Настя любовалась его чертами лица, в нем все было так гармонично. Она тихонько встала и, подойдя к нему, прикоснулась к его плечу. Он вздрогнул:

– А... это вы...

– Простите, я только хотела предложить вам лечь в кровать. Вас не было почти всю ночь.

– Вам больше ничего не угрожает.

– Что? Но как...

– Я положил труп и саквояж на улице и вызвал околоточного. В результате деньги возвращены хозяину, а объявления о вашем розыске снимут со столбов уже утром.

– Вы! – у Насти не было слов, – вы волшебник. Как же вам удалось?!

– Жена околоточного обожает цирк и, как оказалось, моя горячая поклонница. Бедняге ничего не оставалось делать, она зашла вечером к нему, когда шел допрос, и увидела меня. Ох, и досталось бедолаге. Он готов был на все, лишь бы угодить жене и избавиться от меня. А это, – он кинул на стол пачку червонцев, – щедрая благодарность вашего хозяина за найденный капитал. Думаю, вы заслуживаете компенсацию от этого подонка. – Он вымучено улыбнулся и лег на кровать. – Простите. Я просто умираю от усталости. Кстати, можно у вас поинтересоваться, что вы собираетесь делать?

Настя опустила голову и вполголоса произнесла:

– Идти в Тобольск.

Аника сел на кровати и уставился на неё.

– Идти куда?

– В Тобольск. Вы же слышали слова того человека, – она взяла в руки сверток с образом, – её надо вернуть.

– Вы рехнулись?! Отнесите её в какой-нибудь храм, и пусть люди, которым положено этим заниматься, её возвращают.

– Вы не поняли! – Она горячо возразила, – это не шутки, вы видели, что случилось с человеком, который её украл, – он умер!

– Да, но причем здесь вы!

– Он дал её мне, понимаете, мне! И я должна её вернуть на место, искупить его грех, тогда он будет прощен, я не могу отказать в последней просьбе умирающему, именно я должна её вернуть, – она развернула сверток и посмотрела на образ, – и она это знает. У меня просто нет другого выхода.

– Но как вы собираетесь это сделать? У вас ни денег, ни документов, вы даже не знаете, куда именно вам надо идти.

– У каждого своего креста. И, – она улыбнулась, – я думаю, она сама меня приведет.

– Возьмите, – он кивнул на пачку червонцев, – они вам пригодятся.

– Спасибо вам, – Настя завернула образ в полотно и направилась к выходу. Аника встал и подошел к окну. Настя тихо проговорила:

– Спасибо вам, правда, большое спасибо, но от этого человека денег я не возьму. Она откинула косу за плечо и, открыв входную дверь, обернувшись, проронила:

– Прощайте!

Аника глядел в окно. Внизу, на противоположной стороне тротуара, он увидел того самого бородатого мужичонку, который сидел с Акакием Петровичем. Он внимательно следил за домом и выходом. Из-за сапога виднелся край рукоятки кинжала. Аника кинулся вслед за Настей и ухватил её за руку как раз в тот момент, когда она собиралась, было, открыть дверь на улицу:

– Вы должны вернуться!

Настя испуганно замотала головой:

– Нет, прошу вас, не надо...

– Это я прошу вас, вы должны это увидеть.

Она неохотно поднялась за ним назад в комнату. Аника подвел её к окну:

– Видите того типа?

– Да, обыкновенный человек...

– Это Лука.

Аника слово в слово передал ей разговор, состоявшийся в трактире, которому он стал случайным свидетелем.

– Так значит, – Настя начинала понимать, что случилось, – значит, те деньги в саквояже у хозяина, были платой за неё! – Она посмотрела икону. – Значит, именно за ней они охотятся. – Она прижала сверток к груди, – они хотят продать её, вывезти из страны...

– Именно так!

– Но как он узнал, что икона здесь?

– Думаю, за мной следили от самого участка. Ведь при мертвецке иконы не было найдено, а ваш хозяин знает, что саквояж с деньгами был у вас. Они думают, что и вы, и икона у меня.

– Втянула я вас в историю...

– Да уж!

– И что же мне теперь делать?

– Ждать. Ждать, пока я не придумаю, как нам выбраться отсюда незамеченными.

– Нам?

– Ну, – Аника смущенно кашлянул, – если вы конечно не против. И потом, не могу же я позволить вам одной пересечь страну, с таким ценным грузом... – он осекся, – я навязываюсь...

– Я очень, очень вам благодарна! – Настя кинулась, было, ему на шею, – я даже не могла на это надеяться. – Засмутившись своего порыва, она отошла от Аники, и стала теребить свою косу. – Я доставила вам столько хлопот.

– Признаться, мне нужна была небольшая встряска, – после закрытия цирка мне этого очень не хватало. Давайтеждемся вечера, потом я попробую что-нибудь придумать.

Аника лег на кровать. Настя свернулась клубочком в кресле.

– Вы давно в цирке?

– С детства. Мои родители были цирковыми.

– И вы с детства выступали?

– Я помню свое детство на манеже. Мы много колесили по России-матушке. Мои родители были акробатами. Жилось нам тогда совсем несладко. Днем мы, все артисты, репетировали и дежурили у дверей директора в ожидании причитающихся денег. Я был совсем мальчишкой. Он не разрешал работникам цирка входить к нему, пока сам не смилостивится и не вышлет спасительный полтинник, которому мы всегда были рады. Так ежедневно выклянчивали мы заработанные деньги. Кормились у бедного еврея, содержащего погребок напротив цирка. Он варил нам картошку и разрезал одну селедку на десять частей – ему с этого дела нужно было еще самому кормиться с огромной семьей. После представления мы отправлялись спать в большом ковре, – том самом ковре, который раскладывали на арене во время спектакля. Спали мы вместе с кучерами, билетерами, и униформистами, закутавшись в ковер, где

кишмя кишели вши. Потом наш директор начал задерживать и те жалкие полтинники. Тогда мои родители во время представления влезли на штамберт и подняли крик, что если им не уплатят заработанных денег, то они не слезут со штамберта, да еще бросятся вниз головой на глазах у почетной публики. Скандал был огромный. Вмешался пристав. На следующий день полиция выслала родителей прочь, за «учинение скандала в общественном месте». Я остался с дядькой – он был коверным клоуном. Мне было пятнадцать, я больше никогда их не видел. Директор держал около себя особых подхалимов – костоломов и особо подкармливал их для того, чтобы они, по его указанию, «считали ребра» «непокорным». На моих глазах кучера и конюхи избивали в кровь одного билетера, который в сердцах обругал директора, требуя, чтобы он уплатил ему заработанные деньги. Работник ни от кого не мог ждать защиты от произвола хозяина цирка. Если пойдешь жаловаться к уряднику или приставу, то он же на тебя и ополчится, ибо он обеспечен бесплатными билетами в цирк, обедом, ужином и водкой от хозяина. А если блюститель порядка впал в меланхолию, то хозяин бесплатно пристраивал ему на ночь приглянувшуюся хористку. Вот так.

– А сейчас?

– Сейчас! Сейчас цирк совсем иной – ковры и запах духов, роскошь обстановки и солидная публика. Сейчас цирк – это большие деньги. Жаль только, что император сам решил их зарабатывать. Если бы он не вмешивался в дела цирка, – я бы до сих пор был на манеже... но, теперь волею судьбы Шарль Тулье, наездник и силовой акробат, может позволить себе пару месяцев отдохнуть от манежа и публики. Не так ли?

Настя, словно впад в забытье, смотрела в одну точку, явно чем-то удивленная. Аника с любопытством наблюдал за ней.

Видение, явившееся Насте, было настолько четким, как будто все происходило в этой комнате. Она вдруг превратилась в княжеские хоромы. В темном и полупустом зале отчетливо слышался голос старца Иоанна:

– Послушай меня, князь Роман, послушай. Который раз уж говорю: и тебе, и посаднику твоему Якуну необходимо употребить все меры благоразумия, добиваться мира с неприятелем, чтобы не проливать кровь. Великий Новгород сейчас как никогда достиг большого величия. Обширные владения наши простираются далеко на север и восток. Многочисленные купцы с запада и юга приезжают со своими богатыми товарами и торгуют в магазинах, в лавках и на обширном гостином дворе. С иностранными землями новгородцы никогда не имели такие торговые сношения как сейчас. Но князь Андрей никогда не простит своего поражения. Он мечтает о Задвинской земле. Он решил сокрушить Новгород. К нему присоединились его союзники: князья Смоленский, Рязанский, Муромский, Торопчане и Половчане со своими дружинами. Великая сила! Огромное войско, одних князей только семьдесят два человека. Надо во что бы то ни стало заключить мир с Суздадем!

– Мстислав! – гонец ворвался в палаты и упал перед князем на колени, – Мстислав у ворот Новгорода. Рать бесчисленна.

– Все, князь, – старец устало отвернулся, – теперь пощады не жди. Он предаст все огню и мечу, не щадя ни возраста, ни пола, ни состояния. Почитай уж более десяти дён, на триста верст вокруг, один пепел, да трупы.

Князь Роман обернулся к посаднику:

– Вели собирать народ – все, кто может держать оружие, пусть становятся на защиту Новгорода. Мы принимаем бой!

– Я велю растворить ворота храмов. Пусть молится и старый и малый. Без божьей помощи нам не одолеть Мстислава.

Два дня непрерывно длилась ожесточенная битва, плач и церковные песнопения слились в одно. Смерть летала над головою осажденных. Старец Иоанн не спал вторые сутки, он то ободрял сражавшихся защитников родных стен, то молился непрерывно перед иконой о спасении своей паствы. Вот и сейчас он стоял на коленях перед иконостасом, когда услышал:

– Иди в церковь Господа нашего Иисуса Христа, что на Ильиной улице, возьми там образ Пресвятой Богородицы, вознеси его на городские стены против неприятелей и тотчас узришь Божие спасение.

Иоанн словно очнулся ото сна. Откуда этот голос? Неужто, от иконы, – старец перекрестился, – ему не послышалось, голос был ясным и четким

–Филька!

Служка вбежал в двери.

– Филька, бери отца Никодима, да бегите в Спасову церковь, принесите образ Владычицы, а я пока молебен начну. – Он еще раз истово перекрестился и начал службу. Посыльный метнулся вон.

Прошло немало времени, когда сам отец Никодим с плачем упал в ноги старцу:

– Не дается, батюшка, не идет она к нам! Я уж, как положено, совершил перед нею благоговейное поклонение и хотел взять ее. Но тут совершилось чудо: при всех дерзновенных усилиях, я не только не смог взять икону, но даже не мог сдвинуть ее с места.

– Ах ты горе! – Отец Иоанн перекрестился. – Что ж это я... я сам... сам... Вели собрать всех! Всех, слышишь, вели звонить во все колокола, взять святые иконы, кресты и хоругви и все туда....

Долгие часы он, упав перед иконой Божьей Матери, молился ей. Множество народа, окружив маленькую церковь, едва вмещающую духовенство, молились вместе с ним с воплем и слезами, все знали, что еще день и решится судьба Великого Новгорода.

Священники запели кондак. Потолок, пол и стены храма задрожали. Святая икона Богоматери вдруг сама собою заколебалась и пошла по воздуху.

Народ встал на колени. Словно волна прокатилась по площади перед храмом...

Тысячи голосов радостно кричали: "Господи помилуй!" С благоговением принял свяитель чудотворную икону на свои руки:

– Несите к стене, отцы, – он передал нести её двум диаконам.

Икону внесли на стену и выставили на виду врагов. Внизу кипела жестокая битва. Народ со слезами молился Царице Небесной о пощаде города. Зимний полдень был красным от крови, заливавшей все вокруг. Тучи стрел летели на стену. Вдруг одна стрела вонзилась в икону Богоматери.

– Смотрите! – старец Иоанн показывал на образ. Лик Пречистой обратился к городу, и все увидели, что она плачет.

– Спаси господи! Господи помилуй! – Народ пал на колени. Люди перешептывались:

–О дивное чудо! Как из сухого дерева источает слезы Царица Небесная? Она являет нам знамение, что со слезами молится Сыну и Богу своему об избавлении нашего города!

– Веруйте! Веруйте и господь нас не оставит.

И тут произошло нечто необъяснимое. Словно в бреду, суздальцы, осаждавшие Новгород, обернули свое оружие друг против друга. Ни одно копьё, ни один меч не мог больше коснуться новгородцев. Бесчисленная рать нападавших легла кровавым ковром у ворот Новгород-

ских. Старец Иоанн со слезами смотрел на возвращавшихся с победой воинов. На городской стене мироточила икона.

– Матушка наша! Спасительница! Стена Необоримая! Спасибо господи...

Настя очнулась, Аника с удивлением смотрел на неё.

– Что с вами, вы словно спали. Вы мне не ответили...

– Она показала мне...

– Кто? Что?

– Икона. Это икона «Необоримая стена» она показала мне, почему её так назвали.

– И почему?

Настя рассказала, что видела.

– Верно, вы просто устали и заснули на пару минут.

– Может быть и так. – Девушка прижала к груди образ, – но теперь я точно знаю, что не могу отказаться от своего пути. Она меня приняла.

Час тянулся за часом, но наблюдатель за окном не сходил со своего поста. Впрочем, Аника видел, что Лука заметно занервничал. И когда его глаза случайно встретились с глазами Аники, наблюдавшим за происходящим из окна, тот рванулся наверх. Следом за ним, откуда ни возьмись, еще пара здоровяков. Аника схватил Настю и потащил к плотной тяжелой занавеси у окна.

– Спрячьтесь! Спрячьтесь здесь, чтобы вас не заметили. Не выходите оттуда ни за что!

В дверь начали ломиться. Аника отодвинул внутренний засов. В следующую минуту в воздухе мелькнул кулак и один из незваных гостей оглушенный упал на пол. С двумя остальными Аника расправился тем же способом. Упавший, было, на пол Лука поднялся, в руке его сверкнул нож.

– Отдай икону, – сплевывая кровь, и вытираясь рукавом, он злобно смотрел на Анику, – отдай, слышишь, не то худо тебе будет.

– Да ты постой, постой не горячись. – Аника сделал вид, что не понимает, о чем речь. – Да какая икона – нет у меня никакой иконы, что ты! Я думал, ты грабитель, какой!

– Ты меня не дури, парень, мертвеца в участок ты определил, стало быть, то, что у него было теперь у тебя!

– Да нет у меня ничего! – изловчившись, Аника выбил нож у Луки и ударил его кулаком в челюсть. Тот остался лежать на полу без движения.

– Бежим! – Аника схватил Настю за руку и выскочил из комнаты. – Они теперь ненадолго, но отстанут.

Выскочив на улицу, Аника увлек девушку за собой в глубину дворов и двориков:

– Нам теперь до вокзала надо добраться, а там, на поезд до Москвы. Оттуда будем думать, как до Тобольска добраться...

– Аника! – Настя остановилась и посмотрела ему в глаза. – Спасибо, Аника!

– Не время сейчас благодарить. После ...

Разношерстная публика вагона третьего класса как могла, устраивалась на ночь. Старушка, сидевшая напротив Насти и Аники, расстелила шаль и, завернувшись в неё, полусидя, прильнув к стенке, задремала.

– Представляете, еще каких-нибудь десять лет назад, чтобы взять билет на поезд до Москвы, нужно было за неделю писать заявление в полицейском участке, и только после получения специального разрешения, можно было купить билет и поехать в Москву. А паспорта

пассажиров были у проводника и выдавались им по приезду на место, в обмен на сданный назад билет.

– Да и таких сговорчивых проводников тогда, наверное, не было.

– Ну не так уж он и сговорчив – я отдал большую часть нашего капитала за возможность ехать здесь сейчас. Да! День был не из легких! У вас сонный вид.

– Вы тоже не прочь поспать? – Настя, глядя на него своими широко распахнутыми серыми глазами, искренне улыбаясь.

– Как вы догадливы, мадемуазель, вторые сутки без сна – даже мне это не под силу. А, учитывая, что в кровати последний раз я спал...не помню, когда...

– А давайте я пересяду к старушке напротив, а вы расположитесь на лавке как вам удобно, – она вспорхнула и пересела на противоположную скамейку, рядом со старушкой. Аника прилег и сквозь полузакрытые ресницы разглядывал её, задумчиво смотрящую в окно на проносящиеся мимо деревья. Строгое серое платье, застегнутое на все пуговицы, скромный платок, брошенный на хрупкие плечи, холщовая сумка, купленная на вокзале и привязанная к тонкой таллии поясом, в которую она спрятала так драгоценный её сердцу образ – она была сама скромность, и при этом прекрасно сложена. Он любовался тайком её правильным профилем, нежным румянцем щек, длинной русой косой, завитками локонов у виска. Он практически не мог понять, даже на подсознательном уровне, зачем ввязался в эту историю и что его привлекает в этой девушке. Он не знал о Насте практически ничего, но что-то нежное, трепетное в её образе, голосе, манерах тянуло его к ней невидимым магнитом. Ресницы смыкались, становясь неподъемно тяжелыми. Под стук колес Аника проваливался куда-то в темную теплую яму...

Нежная ладошка потрепала его по щеке:

– Просыпайтесь, – Настя теребила его с испуганным лицом, – смотрите! Кажется, это он был у вас дома!

Аника протер глаза. В окна вагона радостно било лучами летнее солнышко. В конце вагона стоял, разговаривая о чем-то с жандармом, Лука. Под глазом его сиял фонарь. Аника мысленно похвалил себя за точность и красоту удара левой. От его неожиданного удара левой руки в бою неоднократно страдал не один соперник. Жандарм кивал головой и, оглядываясь по сторонам, неловко прятал купюру за пазуху.

– Черт. Как он оказался с нами в одном поезде? Вот еще заботы привалило. Повяжите голову платком, Настя, вашу косу ни с чьей не спутаешь. Я выйду в конец вагона – Жандарм будет искать девушку с парнем. По отдельности меньше вероятности быть пойманными, – он, неловко пригнувшись, старался ускользнуть от взгляда жандарма, который двигался в их сторону, вглядываясь в лица пассажиров. – На станции сходим. Встретимся там...– Аника, воспользовавшись тем, что жандарм пристально уставился на молодую парочку и потребовал у них документы, проскользнул в самый дальний угол вагона. У Насти тряслись коленки. При ней не было ни денег, ни документов, жандарм приближался. Настя положила руку на образ, лежавший в её сумке, мысленно прося помощи, образ, словно живой, был теплым. Жандарм мелькнул по ней, присевшей к старушке, взглядом и прошел мимо. Настя с облегчением вздохнула. Поезд, скрипя колесами, остановился на станции. Аники нигде не было видно. Это ведь еще не Москва. Настя тихонько спустилась на платформу и пошла к маленькому одноэтажному зданию станции. Ей стало страшно. Неужели Аника оставил её, или того хуже – его забрал жандарм... Она озиралась по сторонам. Немногочисленные прибывшие расходились, платформа пустела. Настя вошла в помещение станции.

– Наконец– то! – её потянули за руку и зажали рот, она попыталась вырваться.

– Тише, тише, это я, – она обернулась и увидела Анику, – смотри!

В дверную щель она смогла разглядеть спину Луки. Подобострастно раскланиваясь, он передавал что-то начальнику.

– Уходим, – теперь до Москвы рукой подать, а там нас сам черт не отыщет. – Они побежали вдоль дороги от станции к поселку, видневшемуся вдалеке.

Утреннее солнышко ласково пригревало. На порог станции вышел щуплый всклокоченный человек. Две темные фигурки удалялись по дороге, превращаясь в темные точки.

– Ну-ну, бегите, голубчики, скоро поквитаемся... – Лука злобно глядел им вдали со станционных ступенек.

Небольшой станционный поселок расположился прямо возле пролеска в версте от станции. Настя еле поспевала за Аникой:

– Погодите, Аника, погодите, я так быстро не могу.

– Нужно торопиться, ведь вы не хотите давать объяснения в полиции, где ваши документы и что за икона у вас в сумке.

– Я... мне кажется, я сейчас умру от усталости и голода! Мне надо отдохнуть. – Она остановилась и села на лавочку у забора на окраине поселка. Аника обернулся. По её решительному взгляду было видно, что спорить бесполезно.

– Ну, хорошо. Попробуем разыскать харчевню или трактир, должно же здесь быть хоть что-то!

Как на грех ни харчевни, ни трактира в поселке не было. Умирая от голода, они постучали в ворота избы на окраине. Собака залилась лаем. Через несколько минут ворота приоткрылись и пожилой, седой человек осторожно выглянул в щель:

– Вам чего?

– Мы хотели купить немного еды – Настя просящим тоном попыталась разжалобить старика, – мы издалека, очень голодны, а харчевни у вас тут нет.

– Харчевня на станции, туда и ступайте!

– Нельзя нам на станцию, батя! – Аника смотрел прямо в глаза старика. Тот помялся, махнул рукой и отошел отворот, оставив их открытыми:

– А! Леший с вами, проходите!

Настя с Аникой прошли в избу. Грозный с виду, здоровенный пес, лаявший так, что в ушах закладывало, на поверку оказался ласковым и совершенно не страшным, крутился волчком под ногами хозяина, норовя сбить его на землю и облизать лицо. В покосившейся избе было неуютно и пыльно. Сразу было понятно, что живет здесь старый холостяк. Дед достал из печи чугунок с вареной картошкой в мундире, выложил на стол краюху хлеба и поставил жбан кваса:

– Вот, садитесь, ешьте, чем богаты...

Аника с Настей с такой жадностью накинулись на нехитрую еду, что даже на первый взгляд было ясно – не ели они не один день. Дед смотрел на них исподлобья, усмехаясь в бороду:

– Что, намаялись детки!

– Третий день ни крошки во рту, отец! – Аника оторвался от трапезы, – а что, до Москвы далеко ли?

– До Москвы-то верст двадцать, только вот не знаю я, ребятки, как вам лучше – поезд будет только завтра...

– А если не поездом?

– Ну, тогда и все пятьдесят будет – проселком, да через лес, потом на тракт выйдете, а там уж прямо, может, кто и подбросит, если повезет.

Настя оглядывала стены избы, у входа на гвозде висела упряжь:

– А что, дедушка, у вас и лошадь есть?

– Есть-то, есть, милая, да она у меня одна!

– Так, может, вы её нам продадите? – Аника оживился, – а мы вам цену дадим хорошую.

– Эх, ребятки, да я бы с удовольствием превеликим, только врать не могу – больно старая она, грех за такие хорошие деньги брать, а на новую мне не хватит, поэтому останусь я при своем. Да и на тракте двое на одной старушке – лошади заметней, чем десяток путников на случайной подводе. Вы уж не обижайтесь. Оставайтесь, если хотите, отдохните, поешьте, а завтра с утра в путь. Через лес напрямую я вас к тракту выведу. А там уж – как Бог даст.

– Настя вопросительно смотрела на Анику. Было видно, что ей очень хотелось отдохнуть.

– Ну что ж отец, коли не прогонишь, так и сделаем, – Аника тоже оглядел избу, – а что – один ли живешь?

– Один. Весь свой век один!

– А что ж так?

– Не больно много охотниц со мной судьбу делить было. Я всю жизнь охотой да рыбалкой сыт, да вот, что земля родит – тем и перебивался. Как с войны пришел, так все один да один.

– А теперь чем занимаетесь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.